

поставление казаков воеводам и знатым мужам следует отнести за счет тех литературных приемов, к которым прибегал автор синодика, прославляя доблесть и храбрость Ермака? Причина резкости такого противопоставления, возможно, заключалась не в заимствовании из «написания», а в тех враждебных отношениях, которые сложились между архиепископом Киприяном и тобольским воеводой Матвеем Годуновым.¹⁵

Мы не настаиваем на своих предположениях, но для нас важно отметить, что несмотря на упоминание простого происхождения Ермака, на отсутствие сведений о Строгановых, прославление казаков по повести Есипова и синодику значительно отличается от оценки похода Ермака крестьянством и казачеством, т. е. той социальной средой, откуда вышли участники похода, положившего начало присоединению Сибири к Русскому государству.¹⁶

Это ясно видно при сопоставлении синодика и повести Есипова с фольклорными источниками. Исследователи отмечали различие в оценке похода Ермака между повестями, составленными по местной, но официальной инициативе, и фольклором о Ермаке, но в чем проявляется это отличие, с достаточной ясностью вскрыто не было.¹⁷

Настоящая статья не ставит задачей изучение всего фольклорного материала о Ермаке, для нас важно отметить характерную черту этого фольклора. Ермак в песнях, сказаниях и легендах выступает как выходец из эксплуатируемой части населения и часто действует вразрез с требованиями существующего порядка. Ермак — славный атаман казаков, нападающих на государева посла.¹⁸ Ермак — сын посадского человека, от «скудости» сошедшего в вотчины Строгановых. Сам Ермак ходил у Строгановых «в работи» на Каме и Волге.¹⁹ Собираясь в поход, он брал запасы

¹⁵ Воевода был недоволен большими полномочиями, которые были даны архиепископу дарем и патриархом, опасался вмешательства Киприяна в дела управления Тобольским уездом, где воевода распоряжался как в своей вотчине и поэтому чинил всяческие обиды и утеснения архиепископу (см.: П. Будинский. Открытие тобольской епархии. . . — Вера и разум, 1890, в. 26, кн. 1, стр. 572—576, 659).

¹⁶ Казаки Ермака даже после присоединения Сибири к Русскому государству не пользовались никакими особыми правами или привилегиями. Они служили в пеших казаках, и единственно, что им было разрешено, это составлять отдельную «старую» сотню (см.: П. Будинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 108—109).

¹⁷ М. О. Скрипиль, Б. Н. Путилов. Русское народно-поэтическое творчество, т. I. М.—Л., 1953, стр. 334—335.

¹⁸ Песня «Ермак взял Сибирь». — Сборник Кириши Данилова, под ред. Шеффера. СПб., 1901, стр. 47—51. Об этом же говорят все предания и рассказы о Ермаке, вошедшие в состав поздних списков повести Есипова и других повестей о Ермаке. Интересна вставка в текст списка из собрания Лихачева, № 28 (Отдел древних рукописей и актов ЛОИИ, список скорописью XVIII в., в 4-ку, 28 л.): «В лета 7089 года летом царь государь и великий князь Иоанн Васильевич всяя России самодержец послал в Астрахань на судах казну свою денежную и свинец и порох. И как будут казною против реки Самары и выгрести из Самары реки в стругах ясаульных многие яидкие казаки и волские со огненным боем. И государеву казну всю погромили и воеводу князя Григория Засекина и всех людей побили и всю казну царскую взяли и пошли по Волге вверх в Каму реку». Важно отметить, что Григорий Засекин действительно был воеводой в Переволоке (Царицын) и посылал погоню из вновь отстроенного города Саратова за «воровскими» казаками и атаманами; правда, с Ермаком здесь не могло быть связи, так как действия Засекина относились к 1589—1590 гг. Очевидно, какие-то рассказы о Григории Засекине переплетены были с преданиями Ермаковых казаков о их приходе в Сибирь. О том, что в списке Лихачева нашли отражения рассказы этих казаков, возможно, значительно измененные поздней их передачей, свидетельствует такая фраза вставки списка Лихачева: «... приидоша же и в слободы Никиты Строганова, и оттоле поидоша в Чусовую реку, рекою до волоку, и ту к нам присташа многие пермечи...»

¹⁹ Эти сведения о Ермаке вошли в состав также одного из поздних списков повести Есипова-Бузуновского (Сибирские летописи, стр. 305—306).